

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧИ:
ТРАДИЦИИ ШКОЛЫ Б.А. БЕНЕДИКТОВА
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы Республиканской научной конференции

Минск, 15 октября 2008 г.

Минск 2008

УДК 81'23
ББК 81.004.3
Э41

Рекомендованы Редакционным советом
Минского государственного лингвистического университета
Протокол № 4 (19) от 22.10.2008 г.

Редакционная коллегия:
А.М. Горлатов (*отв. редактор*), Н.Т. Ерчак (*зам. отв.
редактора*), Е.А. Климович

Э41 Экспериментальные исследования речи: традиции школы
Б.А. Бенедиктова и современность: мат-лы Респ. научн.
конф., Минск, 5 октября 2008 г. / отв. ред. А.М. Горлатов. –
Мн.: МГЛУ, 2008. – 169 с.
ISBN 978-985-460-272-1.

Сборник включает материалы конференции по проблемам
психологии речи, овладения и владения родным и иностранными
языками.

Предназначается для широкого круга специалистов,
интересующихся психологией речи и общения.

УДК 81'23

ББК 81.004.3

ISBN 978-985-460-272-1

© УО «Минский государственный лингвистический
университет», 2008

⇒ научиться отслеживать реакции собеседника, и воспринимать ту огромную часть информации, которая дает дополнительные возможности в общении;

⇒ приобрести умения профессионально и психологически устойчиво держаться в нестандартных ситуациях;

⇒ замечать свои неэффективные действия и пробовать новые способы поведения.

Тренинг с элементами психологии, учетом новых стандартов, системного подхода и современных требований даст возможность быть успешным в различных областях человеческой деятельности: бизнесе, политике, повышают профессионализм и статус, а также являются мотивирующим фактором для сотрудников, позволяя удерживать перспективных работников, людей способных эффективно выполнять свою работу.

Литература

1. *Dittman, A. Kinesthetic research and therapeutic processes: Further discussion / A. Dittman. – New York: International University Press, 2002. – 323 p.*
2. *Smith, F. Communication and culture / F. Smith. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. – 466 p.*
3. Хансен, Д. Невербальная коммуникация в консультировании / Д. Хансен, Р. Стевик, Р. Уорнер // Журнал практической психологии и психоанализа / Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. – 2000. – № 2. – С. 45–50.
4. *Kline, L.W. Comparative role of the face and of the face-body-hands as aids in identifying emotions / L.W. Kline, D.E. Johannsen, // Journal of abnormal and social psychology. – 1935. – № 29. – P. 415–416.*

Лосик Г.В.

ОИПИ НАН Беларуси, Минск

ЗАКОН ПЕРЕХОДА КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО (О Б.А. БЕНЕДИКТОВЕ)

Ремарка автора. Вообще-то историю кафедры Б.А. Бенедиктова по праву должен был писать её создатель – Борис Андреевич Бенедиктов. Сегодня его уже нет в живых. Но я уверен, что он писал её, насколько я чувствовал его настроения в последние годы его жизни, общаясь с ним. Писал для себя, для сына и внуков. Если когда-либо будут напечатаны его мемуары, то я "сниму" свои, если эти окажутся излишними. Готов к компромиссам в подаче исторического материала, но не считаю нужным напрочь "хоронить" его... Ибо прихожу к выводу, что близок к возрасту, когда уже пора подводить жизненные итоги.

В этом "жанре исторических мемуаров" я пробую себя впервые. Поэтому волнуюсь, ибо жанр мемуаров невольно ставит автора перед необходимостью не только пересказывать факты и даты, но и давать им оценки. А всё это вместе не может не носить печати субъективности. Можно не удосуживаться в написании исторических опусов и записок, чтобы не обижать коллег. Но тогда для наших учеников опыт наш – жизнелюбов и экспериментаторов, какими мы себя видим, канет в лету. Поэтому я пускаюсь в плаванье описании хроники жизни Кафедры, которая явилась для меня и для многих других её членов – колыбелью нашей научной жизни. Читайте Даниила Гранина, он мой кумир и идеолог в этом жанре, в котором я давно хотел попробовать себя.

Начала. Ко времени моего прихода работать на кафедру психологии МГПИИЯ (сентябрь 1970 года) лаборатория при кафедре уже существовала. В инженерном плане её создала, как я понимаю, инициатива Бориса Андреевича Бенедиктова и энтузиазм Бардиловского Анатолий – выпускник МРТИ. Он то и организовал моё распределение из МРТИ в МГПИИЯ. Лаборатория занимала две комнаты в подвале главного корпуса института. Гордостью Бардиловского была «комната испытуемого» и четырехканальный электроэнцефалограф. В лаборатории имелись магнитофоны, фоторегистраторы, тахископы, реле времени, проигрыватели, секундомеры, приборы наследства Ольги Павловны Сергиевич. Она и Ульяна Миронова и Силенко вместе с Борисом Андреевичем составляли ядро крифеел-психологов кафедры. Ибо что касается ещё одного доцента психолога кафедры – Спартака Ивановича Королева, то он был недавним преемником в психологию из инязовских наук.

Сама кафедра психологии была образована в МГПИИЯ в 1965 году. В её состав вошли Борис Андреевич Бенедиктов – учёный, приглашённый из Горьковского института иностранных языков, Ольга Павловна Сергиевич, Ульяна Миронова и Силенко, Маргарита Ивановна Мелешкевич, Эльвира Савельевна Дунская. В следующем году на кафедру был зачислен Спартак Иванович Королёв. Начиная с 1969 года на кафедре стал работать Николай Иванович Курьянко. В те годы Борис Андреевичем Бенедиктов ещё не был доктором наук. Он работал над своей диссертацией и монографией, но вопросы подготовки лично диссертации особо не выносил на повестку дня, а больше забивался в других членах кафедры, её инженерах и лаборантах. Бенедиктов, как я помню, в большой степени делал упор на эксперименты, однако не столько в плане своих личных исследований, сколько в интересах исследований своих учеников, аспирантов, коллег. Он был прекрасным мастером слова, великолепным лектором, логиком в рассуждениях, эрудитом: то есть был богат всеми теми качествами ученого словесника, которыми отличались выпускники филфака Ленинградского государственного университета. В своё время он блестяще этот университет

окончил и этим гордился. Все это избавляло его от необходимости знать эксперименталистику психологии, ибо он мог побеждать собеседника логикой рассуждений и глубиной анализа. По научной школе он был учеником Беляева и Артемова.

С Ольгой Павловной Сергиевич и Ульяной Мироновной Силенко мне пришлось работать вместе немного. Вскоре они, одна, потом другая ушли на пенсию, но приятное впечатление о себе в моей душе они успели оставить как психологи-классики, психологи-теоретики. Ольга Павловна больше отличалась сухостью, сдержанностью в похвалах и критике в коллегах дисциплину, эрудицию, культуру. Она держалась со мной, в том числе и с Борисом Андреевичем «на расстоянии». Ульяна Мироновна была весьма дружелюбна. Запомнилось, что ей в заслугу на кафедре ставилось написание крупного учебника по психологии, исключительно белорусского, под редакцией Елены Павловны Ересь. Я в последние дни по нему преподавал в институте психологии.

Лаборатория. Итак, эти люди составляли ядро теоретиков. Кто же были те практики - соратники Бориса Андреевича в создании Лаборатории - горнила многочисленных впоследствии экспериментов по психологии речи? Первым деятельным помощником в создании лаборатории был Бардиловский Анатолий, который был по характеру своего мышления - кибернетик, по мотивам научных интересов - бионик. В те годы ему было лет 30. Бардиловский хорошо знал азы психологического эксперимента, методы предъявления стимулов и регистрации ответных реакций, так как был хорошо в этой области начитан. Сам он писать диссертаций не собирался, но любил дискутировать, обсуждать прочитанное, критиковать, инициировать новые исследования. Бардиловский не был членом кафедры как и ещё один её помощник - Геннадий Сыроежкин. Но оба они были духовными создателями Лаборатории, нашими помощниками, ежедневными её посетителями.

Объединяющим и примиряющим мужчин дипломатом в спорах о Лаборатории выступала ещё одна неформальная её создательница - Людмила Николаевна Дичковская. Этот талант Людмилы Николаевны объединять и инициировать творческую деятельность был оценен впоследствии Президиумом общества психологов Беларуси, в котором она долго оставалась учёным секретарём. Дичковская подготовила на кафедре очень интересную диссертацию по психологии речи, которая выходила за рамки психологии овладения иностранным языком. Особенно сложными были задуманные ею аппаратные эксперименты по речи и искусственному заиканию с разными категориями испытуемых. Так, для моделирования эффекта искусственного заикания Бардиловским был сконструирован специальный магнитофон. Например, свои первые шаги в области изучения внутренней речи и диалога Геннадий Михайлович Кучинский делал именно

на этом магнитофоне Дичковской, заикаясь вслед за Бардиловским, Сыроежкиным, Сергеем Бенедиктовым, Курьянкой.

Николай Иванович Курьянко – являлся на кафедре наиболее последовательным и вдумчивым помощником Бариса Андреевича в создании лаборатории, планировании и приобретении оборудования. Он окончил факультет немецкого языка иняза, был в Германии, а затем белорусскую сельскую жизнь, был хорошим семьянином, трезвым, "памяркоўным" в оценках и суждениях. Николай Иванович писал кандидатскую диссертацию под руководством Бориса Андреевича, тщательно и много экспериментировал в лаборатории. Впоследствии уже под его собственным руководством была выполнена диссертация Велитченко Леонидом Кирилловичем «Развитие иноязычного речевого слуха при овладении иностранным языком». Заметим, что последний защитил блестяще лет пять назад докторскую диссертацию по психологии и хотя работает сейчас в Измаиле, но поддерживает тесные дружеские контакты со многими коллегами кафедры. Насколько мне помнится, Николай Иванович Курьянко был первым, кто при мне защитил диссертацию. Защита проходила в Вильнюсе, куда многие из нас ездили.

Примерно в 1975 году в Лабораторию пришел работать ещё один выпускник МРТИ, бионик – Чеховских Михаил Иванович. Его переход в МГПИИЯ был не случайным, как ныне говорят, «поиском себя» по методу проб и ошибок, а обдуманным, подготовленным шагом. Пробыв на должности инженера, Михаил Иванович, через некоторое время стал аспирантом Бориса Андреевича, затем преподавателем психологии на кафедре, защитил диссертацию в Ленинграде, впоследствии определённое время заведовал кафедрой. На протяжении всего этого периода Чеховских оказывал самую активную поддержку экспериментальным, научно-теоретическим, хозяйственным исследованиям на кафедре. Будучи изначально кибернетиком, и он и я стали сегодня, благодаря школе Бенедиктова, неплохими специалистами в области психологии – казалось бы, далёкой для нас тогда-то науки.

Продолжительное время экспериментальные исследования в Лаборатории по синхронному переводу стимулировал Сергей Борисович Бенедиктов и Михаил Игнатьевич Захаркевич. А затем Арнольд Петрович Домбровский, Зоя Фёдоровна Севко. Это был цикл многолетних диссертационных работ, когда велась регистрация речевого сигнала и предъявление стимулов для исследования синхронного перевода.

Безусловно, Лаборатория своим развитием во многом обязана и Николаю Тимофеевичу Ерчаку. Но о нём я упомяну лишь скромно. Ибо он сам говорит сообщение о научной жизни кафедры, он сегодня, оставаясь аспирантом Бориса Андреевича Бенедиктова, уже сам доктор наук, заведует кафедрой Учителя по эстафете.

Инженерами в Лаборатории определённое время работали Кучинский Геннадий Михайлович, Супрунюк Анатолий Семёнович, автор этой статьи, Ткачёва Алла Петровна, Малышев Евгений Иванович. Бессменным её сотрудником и по сегодня является Наталья Феликсовна Богданович.

Прекрасная половина человечества была представлена на кафедре ещё несколькими лицами, благодаря которым в эмпирике жизни Лаборатории присутствовала Муза. Маргарита Ивановна Мелешкевич и Эльвира Савельевна Дунская – являлись преподавателями психологии, Белла Павловна Сивакова, Наталья Александровна Лейзер – работали на кафедре старшими лаборантами. В более позднее время на жизнь Лаборатории оказал большое влияние наш биолог, доцент кафедры Иосиф Иванович Фольб, кандидат медицинских наук и одновременно мастер спорта по горному туризму, что было немаловажно для нас молодёжи.

Тематика. Экспериментальные исследования по психологии речи, проводимые на кафедре, по их назначению условно можно разбить на два потока: исследования аспирантов и соискателей, исследования студентов на лабораторных занятиях и в кружках.

Благодаря хорошему оборудованию и оперативной инженерной поддержке "на конвейер" были поставлены 10-12 стереотипных отлаженных методов подачи стимулов и регистрации реакций испытуемых. Поэтому начинающий исследователь с новой гипотезой мог быстро приступить к собственным экспериментам, используя новую комбинацию ранее проверенных аппаратных модулей. Эти же стереотипные методы, но в упрощённом варианте, образовывали содержание многочисленных лабораторных работ для студентов. Помещением для занятий и для диссертационных экспериментов служила подвальная комната в цокольном этаже главного корпуса института. Она с большим техническим вкусом была оборудована Бердиловским и имела множество розеток, стенов, микрофонов, микрофонов, динамиков, тахистоскопов, реле времени. Что примечательно, мы имели звуко-светонепроницаемую комнату испытуемого. Все шесть её сторон были покрыты заземлённой металлической сеткой. Поэтому в комнате можно было снимать электроэнцефаллограммы с человека. Тем более, что в лаборатории имелся такой прибор – собственный четырёхканальный электроэнцефаллограф. Аппаратура была всегда приведена в дежурную готовность, а не являлась складской номинацией.

По тематике самих экспериментов в лаборатории превалировали исследования по психологии речи, формированию речевых навыков, психологии наглядности. Специфика института – преподавание иностранных языков – накладывала отпечаток на темы диссертаций, которые выполнялись на кафедре, придавала им прикладную ориентацию. Многие соискатели, такие как Н.И. Курьянко, С.Б. Бенедиктов, Г.В. Сумсков, М.И. Захаркевич, З.Ф. Корнева, Л.К. Велитченко, Л.П. Барабанов, знали два иностранных

языка и проводили эксперименты на материале не только русского, но и иностранного языка. Испытуемыми, как правило, являлись студенты иняза, других ВУЗов, иногда – школьники. Заметим, что своего совета по защите психологических диссертаций в то время в Беларуси не было. И тем не менее, «выпускники» Лаборатории с успехом защищали свои диссертации на советах в Вильнюсе, Москве, Ленинграде, Киеве, демонстрируя высокий экспериментальный уровень выполненных работ.

Наряду с диссертационными экспериментами на кафедре проводились циклы студенческих лабораторных работ по речи, вниманию, восприятию, памяти, мышлению. В лаборатории регулярно работали студенческие кружки по психологии, проводились экскурсии.

Школа состоялась. Вправе ли мы говорить, что Борисом Андреевичем Бенедиктовым создана в Беларуси своя исследовательская школа? Думаю, что вправе. Предположим, трудно одним словом выразить и охарактеризовать научное открытие профессора Бенедиктова в области психологии речи, развитое его учениками. Но как исследовательскую школу – эпоху творческой деятельности в Минске Бориса Андреевича Бенедиктова – в словах можно выразить. Назовём, по крайней мере, *два признака*, исходя из которых можно говорить, что это Школа, что это цельное явление, не способное уже умереть, существующее уже как мировоззрение, а не только как научное направление в психологии речи, существующее независимо и безотносительно к сегодняшней воле её создателя.

Первый признак – продолжительность во времени существования школы, преемственность исследовательского почерка, воспитанного Учителем в первом поколении учеников. Ни кафедра, ни лаборатория «в подвале» МГПИИЯ – не прекратили своего физического существования – с 1965 года и по сегодняшнюю день, не перешли на иную исследовательскую платформу. Методология Бориса Андреевича Бенедиктова сочли оправданной в исследовании психологии речи сменявшие его после ухода из МГПИИЯ другие завучи этой кафедрой – Михаил Иванович Чеховских и Николай Тимофеевич Ерчак. Ученики Бенедиктова, становясь кандидатами и докторами наук, госбили своих аспирантов-учеников, преемственно прививая им те же методики, подходы, понятия.

Второй признак – многочисленность диссертантов в школе. Сегодня среди идеологических последователей Бориса Андреевича Бенедиктова 2 доктора наук (Николай Тимофеевич Ерчак, Леонид Кириллович Велитченко) и около 10 кандидатов наук (Николай Иванович Курьянко, Михаил Игнатьевич Захаркевич, Домбровский, Зоя Фёдоровна Севко, Людмила Николаевна Дичковская, Наталья Павловна Бодакова, автор этой статьи, Геннадий Васильевич Сумсков, Михаил Иванович Чеховских, Ирина Ивановна Сидняева, Татьяна Дмитриевна Алексева). Это не значит, что все из работавших с Бенедиктовым учёных приняли его школу. Исключение

составляют, например, Спартак Иванович Королёв, Геннадий Михайлович Кучинский, которые остались на своих независимых исследовательских позициях в изучении речи и не «приняли» школы Бенедиктова.

Отличием школы в большинстве случаев выступает новая научная идея, провозглашённая её создателем. Однако в рассматриваемом случае таким отличительным признаком школы правильнее назвать «кредо», которое последовательно придерживался профессор Бенедиктов и которое не было у других. Попробуем сформулировать его.

а) «Речь определяется слушателем» – любил утверждать Бенедиктов и доказательно развивал эту идею в разных психологических аспектах. Она ярко оттеняла позицию именно психолога в вопросе о таком многоаспектном явлении как речь. Кто только не пробует изучать речь человека? Акустики, фонетики, лингвисты, логопеды, педагоги, связисты, кибернетики. В чём же цимус психологического подхода? В активности личности, в избирательности её внимания, в мотиве слышать в речи то, что ей угодно, а не говорящему.

б) «Да здравствует эксперимент!» Теоретические мудрствования в построении догадок и красивых описательных прожектов о сущности речи – вредны, ибо это схоластика, а не наука. Сначала необходимо стать экспериментатором в сравнительно узкой и конкретной области, и только став в ней «зубром», ты сможешь строить глобальные теории.

в) Позволяя себе строить теорию, следует параллельно обязательно «приземлять» её на какую-то одну конкретную прикладную сферу применения. Такой сферой для школы Бориса Андреевича Бенедиктова было обучение иностранным языкам. Конкретных задач в этой сфере было несколько: обучение языку и речи, развитие устной речи в учебном процессе, организация слуховой и зрительной наглядности в процессе обучения. Именно испытание теории, диссертационных выводов в конкретной сфере задач обучения иностранных языков – было обязательным требованием для всех, кто проходил школу профессора Бенедиктова. Вместе с тем, следует уточнить одну деталь, отличающую нашу школу от сегодняшней ситуации, когда наука на вузовской кафедре «обслуживает» учебный процесс, которым обременены её доценты. В школе Бенедиктова учебный процесс «обслуживал» науку, он был полигоном испытания идей учёных.

Фактор успеха. Кафедре психологии МГПИИЯ и её шефу сопутствовал успех весь период, пока Борис Андреевич оставался в инязе. Прежняя исследовательская школа сохранилась и после ухода Бенедиктова, но успехи стали не столь яркими. В чём объяснение успеха школы Бенедиктова в период его заведования кафедрой? Нам кажется, что на этот вопрос есть определённый ответ. Объяснить успех можно тремя обстоятельствами:

1) Борис Андреевич в своей работе делал сильный упор на контакт с передовыми исследовательскими школами России – школами Артёмова,

Беляева, А.Н. Соколова и Жинкина, Зимней. Он хорошо знал эти школы, популяризировал их, а не критиковал, пробовал развивать, а не модернизировать. В итоге авторитет этих школ работал на нашу школу.

2) Что ярко бросалось в глаза в деятельности Бенедиктова, так это его смелое сотрудничество со специалистами по речи смежных наук: кибернетики, фонетики, биологии. Создавая Лабораторию, Учитель приглашал в её штат и в аспирантуру по психологии «далёких» от психологии людей, например, Бардиловского, меня, Чеховских. Например, прекрасное многолетнее сотрудничество в наших научных исследованиях по речи было с биологом, доцентом нашей кафедры Иосифом Львовичем Фоменком.

3) Причиной хорошей и устойчивой психологической атмосферы на кафедре было, на мой взгляд, то обстоятельство, что Борис Андреевич по эрудиции, уму, таланту организатора, лекторскому мастерству – был на голову выше всех сотрудников кафедры. Ему не было равных. Это дисциплинировало всех нас, стимулировало учиться у него, обязывало быть требовательными к себе. При всём этом заметим, что Бенедиктов не навязывал себя, не был авторитарным. В итоге, возникла атмосфера свободы научного поиска, формировалась особая шкала человеческих ценностей – по которой, я с удивлением теперь осознаю, каждый из членов кафедры оказывался в школе в чём-то незаменимым, в чём-то оригинальным и интересным для всех остальных.

Время шло, а школа профессора Бенедиктова функционировала. Сложившаяся многолетней дружбой, она выдерживала появление в среде кафедры «инородных» людей, знала от этого ещё больше спланировалась, оформлялась нравственно и методологически. «Инородные» приходили и уходили, а школа оставалась и остаётся по сегодня – школой Бориса Андреевича Бенедиктова.

Люцко Е.Н.

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПОДРОСТКОВ С СОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

А.А.Леонтьев отмечал, что, так как у каждого человека существуют помимо общекультурных еще и сугубо индивидуальные представления, связанные с детонацией слова, в ассоциативное поле лексемы у конкретного носителя языка может попасть слово, семантическое отношение которого к слову-стимулу можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта данного лица. Следовательно, можно предположить, что у